

УДК 101.1

Смолина Наталья Сергеевна

канд. филос. наук, доцент кафедры социальной работы департамента социологии и политологии, ИСПН, УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

Smolina Natal'ya Sergeyevna

Candidate of Philosophy, Associate Professor at Social Work Chair, Department of Sociology and Politology, ISPS, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

**ТРАНСФОРМАЦИИ
НОСТАЛЬГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
О «СОВЕТСКОМ»
В ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

**TRANSFORMING NOSTALGIC
DISCOURSE OF «THE SOVIET»
IN POST-SOVIET ENVIRONMENT**

Аннотация

Статья посвящена ностальгии, характеризующей отношение постсоветского человека к утраченному советскому прошлому. Особое внимание уделено ностальгии 30-летних, нашедшей выражение в виртуальном пространстве Интернета. Интернет позволил выстроить социальные коммуникации нового типа (через создание виртуальных сообществ, через формирование аудиовизуального ряда «советского» в рамках таких сайтов, как www.76-82.ru, www.savok.name, сообщество «Советская жизнь» на www.livejournal.ru, www.sovetika.ru, www.odnoklassniki.ru и др.). Объектом любования участников сетевых сообществ становятся артефакты советского детства. Подобные процессы объясняются в связи с защитной реакцией общества, находящегося в процессе перехода от «советского» к «российскому». Ностальгия рассматривается сквозь призму социальных изменений и процессов коллективной идентификации. Ностальгия в таком ракурсе становится не только средством терапии, но и полем выстраивания коллективной идентичности постсоветского человека.

Ключевые слова: ностальгия; постсоветский человек; коллективная идентичность; социальные практики; советское прошлое; сетевые сообщества; коллективная травма; информационное общество.

Abstract

The article is devoted to the nostalgia characterizing the relation of a Post-Soviet person to the lost Soviet past. The special attention is paid to nostalgia of the 30-year-old that found expression in virtual space of the Internet. The Internet allowed to build social communications of a new type (through creation of virtual communities, through formation of audio and visual identity of «the Soviet» within such sites as www.76-82.ru, www.savok.name, community «Soviet life» on www.livejournal.ru, www.sovetika.ru, www.odnoklassniki.ru, etc.). Artifacts of the Soviet childhood become the objects of admire for network communities participants. These phenomena are explained by the society's defensive reaction in process of transition from «Soviet» to «Russian». Nostalgia is treated through a prism of social changes and processes of collective identification. In such circumstances nostalgia becomes not only a means of therapy, but also a context forming collective identity of the Post-Soviet person.

Keywords: nostalgia; post-Soviet man; collective identity; social practices; Soviet past; online communities; collective trauma; information Society.

Современная социальная реальность определяется ее участниками как «постсоветская». «Сам факт существования термина “постсоветский” говорит о некоей неопределенности участников социальных отношений о качестве реальности, о незавершенности социального транзита от “советского” к “российскому”, новому качеству социальной действительности. Однако сама незаполненность и социальные практики, используемые для освоения прошлого, настоящего и будущего, не-

однородны. Ткань социальной реальности изменчива, хотя процесс происходит медленно и обычному социальному наблюдателю не так явен.

На наш взгляд, постепенно в постсоветской действительности меняются практики работы с ностальгией. Социальная действительность совершает медленный поворот от ностальгии как тоске по утраченной советской реальности до ностальгии как способе рефлексии прошлого через осознание невозможности это прошлое вернуть в том виде, как оно существовало. Однако очевидность восприятия этих процессов затрудняется незауалированным желанием власти использовать символический потенциал ностальгического дискурса.

Коллективная травма, образовавшаяся вследствие распада советского пространства, первоначально преодолевается практиками ностальгирования. Ностальгия представляется нам социальной формой определения, интерпретации, выражения или толкования травматических событий посредством фонда культурных ресурсов, например с помощью литературы, кино, живописи и т. д. Подобные механизмы направлены на *проживание* ситуации утраты привычного образа жизни. Вместе с тем осознание неизбежности социальных изменений, невозможности вернуться в прошлое побуждает постсоветского человека адаптироваться к новой ситуации, даже несмотря на то, что процесс трансформации становится перманентным. В этом ключе ностальгия участвует в адаптационных процессах, смягчая процесс перехода, выполняя компенсаторную функцию. При этом в логике гуманитарных исследований ностальгия не воспринимается как феномен исключительно постсоветского общества, скорее это универсальный защитный механизм человечества в переломные периоды истории (подробно пишет об этом антрополог Светлана Бойм в своей статье “Будущее ностальгии” [3]). Для нас ностальгия, одновременно, это способ видения отношений человека и нации, индивидуального и коллективного. Через практики ностальгирования легко увидеть и практики коллективной идентификации, позволяющие говорить о некоем коллективном “Мы”» [6].

С нашей точки зрения, практики ностальгирования наиболее демонстративны и показательны в пространстве Интернета, где за последние годы появились ресурсы, использующие потребность человека в ностальгировании.

Отметим, что для российской действительности начала XXI в. характерен всплеск стихийной ностальгии по советскому детству. По словам А. Тихомировой, исследующей постсоветское пространство, «это и участвовавшие тематические выставки, стремящиеся научно обработать прошлое, но в основном преследующие ностальгические цели (Наше счастливое детство 2001; В поисках утраченного детства 2006–2007), это и расцвет телеканала “Ностальгия”, и ретровечеринки в советском стиле, и феномен ребрендинга, наконец это обилие поколенческих сообществ “Живого журнала”» [7. С. 191].

«В этой связи наш интерес сводится к анализу динамики рефлексии поколением “последних советских детей” по поводу советского прошлого в интернет-пространстве. Поколение 30-летних, проявляющее максимальную экономическую активность и высокую покупательную способность, в результате социальных трансформаций оказалось перед проблемой коллективной самоидентификации. Нам представляется, что фактором солидаризации у поколения “последних советских детей” становится его эмоциональная вовлеченность в процессы ностальгирования. Именно этот факт объединяет их в поколение, позволяя идентифицировать себя как сообщество.

Информационное общество накладывает свой отпечаток не только на свойства социального взаимодействия, но и на формы и практики процесса идентификации. В этом смысле Интернет становится “пространством идентификации”: человек, получая возможность коммуницировать с русскоязычным населением всего

земного шара, так или иначе выходит на сюжеты “Мы”, “Они”, “свой”, “чужой”, в таких разговорах “свое” получает четкую артикуляцию и маркировку. К тому же сообщества российского Интернета отличаются ярко выраженной склонностью к рефлексии» [8. С. 21]. В силу того что Интернет развивался в России в период общих социальных, политических и экономических преобразований, для многих людей именно виртуальное пространство стало площадкой для обсуждения происходящих преобразований и своего участия в них.

На наш взгляд, наиболее репрезентативными ресурсами, имеющими отношение к нашей теме, являются сайты: www.76-82.ru (позднее переименованный в www.e-n-d.ru (Энциклопедия нашего детства), www.savok.name, www.livejournal.ru (сообщество “Советская жизнь”), www.sovetika.ru, www.odnoklassniki.ru.

В виртуальном пространстве можно обнаружить следующие стратегии и практики работы с “советской эпохой” и с памятью о советской эпохе: стратегии музеефикации и практики ностальгирования. Сайты, посвященные советской эпохе, предлагают некие энциклопедии советской жизни, где советские вещи, предметы, фото и другие культурные объекты становятся предметом любования, умиления, коллекционирования, собирания поколением 30-летних в интернет-пространстве. Упомянутые нами сайты используют коммеморативные практики, осуществляющие путешествие не столько в пространстве, сколько во времени» [6].

Так, сайт www.76-82.ru репрезентирует свои ресурсы как «энциклопедию нашего детства». Этот сайт является некоммерческим проектом компании Notamedia, занимающейся дизайном (разработка фирменного стиля, веб-дизайн и т. д.) и ее директора Адриана Крупчинского, представителя поколения 30-летних. Сайт функционирует с 20 октября 2005 г. и посвящен воспоминаниям людей, которые родились в период с 1976-го по 1982 год, тем, чье детство прошло в огромной стране под названием СССР. При создании этого сайта сотрудникам компании, в большинстве своем вписывающимся в возрастные рамки 1976–1982, пришлось вспоминать все до мелочей, опрашивать друзей, знакомых и незнакомых. Послание к посетителям сайта гласит: «Из дома были принесены старые игрушки, фотографии, с антресолей достали пыльные открытки, с дач привезли подшивки журналов; в какой-то момент заваленный всеми этими артефактами офис компании стал напоминать живую иллюстрацию к сказке “Цветик-семицветик”, к эпизоду, когда мечта об игрушках сбывается, зато теперь, на этих страницах, собрано то, что определило взрослость родившихся в период 76–82» [1]. Стоит добавить, что в «Живом Журнале» (Livejournal) по следам этого сайта появилось сообщество «1976–1982», благодаря чему участники ресурса, родившиеся в этот период, осознают себя как цельное поколение.

«Другой сайт – www.savok.name – адресован всем, кто родился в СССР (временные рамки, как в предыдущем случае, не задаются). Во вступительном слове создателей сайта Советский Союз определяется через набор символов, общезначимых для всех, кто родился в СССР: победа в Великой Отечественной войне, Олимпийский мишка, “Спокойной ночи, малыши” и программа “Время”. Такое перечисление прорисовывает образ страны, откуда мы родом, страны, которую по-прежнему можно любить, несмотря на то, что ее больше не существует. Так в ностальгическую направленность сайта вписываются патриотические ноты.

Сайт www.savok.name также предлагает посетителям своеобразный путеводитель по советской жизни, включающий диафильмы, анекдоты, песни, культовые места (например, к числу подобных мест авторами сайта относится “Детский Мир” в Москве), фотографии, карты, плакаты, открытки и т. д. Сам дизайн ресурса выполнен в стилистике советских изданий – словно на грязно-серой макулатурной бумаге. Визуальный ряд, предлагаемый посетителям, будет понятен и знаком даже тем, кто прожил в Советском Союзе десять детских лет (столь малый

срок жизни, с точки зрения авторов, не должен помешать постсоветскому человеку любить Советскую Родину). Сайт www.sovetika.ru представляет собой попытку создать всеобъемлющую энциклопедию советской эпохи с демонстрацией всех ее составляющих: артефактов, предметов быта, текстов и многого другого» [8].

Другой пример – сообщество «Советская жизнь» в «Живом Журнале»: объекты советской жизни в фотографиях, картинах советских художников и воспоминаниях посетителей сайта. Представленный ряд состоит из предметов быта, мебели, кухонной утвари, скамейки во дворе родного дома, детского садика, игрушек, автомобилей тех лет, будильников, телефонов, косметики, флакончиков, баночек, ценников, проездных билетов, театральных программ, косынок, шапок, пальто, вешалок, удостоверений, значков, марок, этикеток, пионерских галстуков, школьных дневников и т. д. Каждая вещь сопровождается комментарием-воспоминанием; при этом споры о том, кому жилось лучше, кому хуже, не поддерживаются. «Советский предмет» любовно выставляется на всеобщее обозрение и обсуждается участниками сетевых сообществ.

«Представляется, что подобные интернет-ресурсы становятся катализаторами воспоминаний о советском прошлом (для поколения молодых – о советском детстве): предметно-вещный мир “советского”, визуально представленный в интернет-пространстве, провоцирует воспоминания не только о вещах, но и о связанных с ними, эмоционально окрашенных тактильных ощущениях, вкусах, звуках и запахах.

Постсоветский человек находится в процессе постоянного коллективного вспоминания прошлой эпохи с ностальгической тональностью. Постсоветская масса предстает как переживающая травму распада советской империи и кризис коллективной идентичности. В этом ключе человек пользуется своими воспоминаниями как компенсаторным средством (в том числе, чтобы забыть настоящее). Травма преодолевается меморативными и ностальгическими практиками.

Следует отметить, что ностальгия демонстрируется средствами массовой информации: различными телепроектами, телеканалами с доминирующей ностальгической тональностью, радиостанциями с набором советской музыки, в том числе в современном звучании, сериалами с “советскими сюжетами”. Так люди разных поколений, в том числе поколения 30-летних, могут и впитать, и выразить в различных меморативных текстах ностальгические настроения по “советскому”. Мода на социальные сети только подтверждает эту потребность.

Подобные сетевые сообщества могут быть описаны как “сообщества ностальгирующих”. Интернет позволяет производить, по выражению И. Кукулина, “пространства коллективной ностальгии” [4] со свойственными им коллективными практиками. Именно на страницах таких сообществ человек получает возможность тосковать по прошлому в виртуальном формате, причем ностальгирование происходит *совместно*: представители последнего поколения советских детей *совместно* переживают, проживают социальные трансформации. Пассажи, начинающиеся со слов “А помните...”, на страничках Интернета встречаются очень часто. Ностальгия становится механизмом коллективного переживания, прочувствования совместных социальных эмоций, оказывая некую коллективную терапию.

Интернет-пространство предлагает посетителям “советский” аудиовизуальный ряд, пополняемый самими пользователями; именно этот ряд становится социальным контекстом, в рамках которого организуется процесс вспоминания. Общество и составляющие его группы, вырабатывая собственную коллективную память, в первую очередь создают именно рамки пространственно-временного континуума, куда вписываются воспоминания отдельных участников. Формат социальных сетей, позволяющий найти человека по определенным кластерам, организует удобную площадку для ностальгирования, вспоминания среди “своих”,

схожих по параметрам возраста и социальной принадлежности. Для поколения 30-летних «советский» ряд предлагается, прежде всего, интернет-ресурсами, для старших поколений на пополнение этого ряда «работают» массмедиа (радио, телевидение, кино). И поколение 30-летних, и старшие поколения вспоминают об одних и тех же позднесоветских годах изобилия, но для первых это было детство, для вторых – зрелость. Ввиду различий горизонта воспоминаний, поколения 30-летних ностальгируют, прежде всего, по своим детским впечатлениям от советской эпохи» [6].

Предметом ностальгии для молодого поколения выступает, главным образом, вещно-предметный мир и пантеон героев советского детства – персонажи советских мультфильмов и детских художественных фильмов. Благодаря этому происходит своего рода персонификация советскости. Как отмечают авторы сборника «Веселые человечки: культурные герои советского детства», посвященного детальному анализу образов любимцев советских детей, «именно через этих любимых героев осуществляется вполне реальная и осязаемая связь между советскими и постсоветскими поколениями: Чебурашку или Винни-Пуха родители и дети любят одинаково» [4. С. 6]. С точки зрения авторов, анализ персонажей советского детства показывает, как образы, предназначенные исключительно для детей, «трансформируются в образчики культуры, дающие представления о советском обществе в целом... Являясь частью официальной массовой культуры, “веселые человечки” 1960–1970-х тем не менее дали жизнь формам взросления, которые с трудом вписывались в рамки самой этой культуры» [Там же. С. 13].

Культурные герои (в качестве таковых авторы сборника называют Айболита, Буратино, Незнайку, Карлсона, Вини-Пуха, Чебурашку, Волка и Зайца из мультфильма «Ну, погоди!», кота Леопольда, Электроника и многих других) позволяют увидеть механизмы, с помощью которых «советская культура обеспечивала воспроизводство взрослых соответствующего типа и маргинализировала тех, кто выходил за допустимые рамки» [Там же]. Этот пантеон формирует узнаваемую мифологию советского и постсоветского детства; художественные образы задавали не только модели детского поведения, но и модели взросления. Все эти герои становятся предметом ностальгирования у бывших советских людей и в то же время остаются значимыми и для современных российских детей.

Дети, будучи биологически категоризированной (в силу своего возраста и физической зависимости) маргинальной группой, мнимо удаленной от экономических структур и процесса производства, тем не менее становятся трансляторами человеческого опыта. Усвоенные в детстве модели поведения, ценности, практики и представления легко воспроизводятся в дальнейшей жизни. Дети, наученные обращаться с советскими вещами и предметами сразу «по-советски», легко включают «советское» в свой повседневный обиход. В этом смысле утрата привычного с детства мира (в том числе игрушек, героев и вещей) непременно становится причиной кризиса идентичности. Для поколения 30-летних, как и для любого постсоветского человека, распад СССР оказался травмой, повлекшей за собой кризис коллективной идентичности. Доступным способом преодоления коллективной травмы стала ностальгия, позволившая российскому человеку «заретушировать» социальные трансформации, привнеся в социальный хронотоп «простые и понятные» смыслы и значения. Ностальгия постсоветского человека не вызвана стремлением вернуть советский строй, это способ «проживания» социальных изменений.

В каком-то смысле «ностальгирующие» демонстрируют в своих высказываниях универсальное представление, что в детстве все было «вкусней». В этом ключе «советское» в памяти постсоветского человека ассоциируется с определенными специфическими «советскими» продуктами, недоступными сегодня. «На-

всегда оставшись в прошлом, эти знакомые продукты стали «роскошью», – рассуждает К. Келли, анализирующая ностальгию российского человека по советскому детству [5. С. 171]. Такая ностальгия, по ее утверждению, не обязательно преобразуется в просоветскую политическую позицию: для многих детство четко связано с определенным жизненным периодом («детство есть детство»), который не нагружен особым смыслом для состоявшегося взрослого, за исключением, пожалуй, того момента, когда он или она принимает решение о том, как воспитывать собственных детей. Притягательность привычных советских вещей сегодня, с ее точки зрения, обусловлена тем фактом, что «теперь даже то, что когда-то находилось в свободном доступе и чего даже не хотелось в пору типичного “счастливого детства”, став недоступным, начинает символизировать недостижимые удовольствия» [Там же]. Ностальгия по «советскому» проявляется именно на уровне потребления: отсюда «в чатах и форумах в Интернете постоянно встречаются воспоминания о вещах и продуктах питания, которые когда-то были в продаже» [Там же. С. 169–170].

«Механизмы и формы ностальгирования становятся неким фактором объединения для поколения 30-летних, очень разобщенного в классовом, финансовом, социальном смыслах. Самые успешные и активные социальные слои в постсоветском обществе очень разнородны по своему составу: научные работники, открывшие в себе бизнес-талант, “бывшие комсомольцы”, дети высшей бюрократии, а также новая генерация способных молодых людей, “удачно нашедших свою нишу в современной российской экономике” [8. С. 288]. Их образование варьируется от неполного среднего и “сомнительных” дипломов постперестроечных негосударственных вузов до ученых степеней ведущих отечественных и западных университетов. За плечами у большинства из них – “постоянная смена рода деятельности, бесконечная череда разовых проектов, смена объектов бизнес-активности” [Там же]. Язык символов советского детства становится единственным сохранившимся у них общим языком, а пространство Интернета становится той общей площадкой, на которой вырисовывается “стилистическое единство” этой гетерогенной социальной группы. Общее прошлое помогает установить поколенческое единство поверх социальных швов. Потому ностальгия выступает не только формой коллективной терапии, но и механизмом самоидентификации (на вопрос “кто мы?” поколение 30-летних с легкостью может ответить: “мы родом из советского детства”, “наша Родина – СССР”).

Коллективное вспоминание позволяет открыть “советское” вновь; благодаря пересказыванию друг другу деталей детства, “советское” в интернет-пространстве “производится” заново, отчасти происходит определенная рефлексия: “артефакты прошлого заставляют... вольно или невольно проговаривать собственную позицию в отношении советского периода” [2]. Полученную картину нельзя назвать репродукцией, она всегда будет реконструкцией прежнего опыта. Память выносит на поверхность позитивные общезначимые смыслы и ценности. Советская эпоха корректируется “детскими” воспоминаниями, выглядит светло и ясно. Память любого из нас селективна: выбирает наиболее яркие и запоминающиеся вещи и ситуации и при этом стремится к нормализации прошлого, стиранию его самых травматичных моментов; поэтому негативных воспоминаний в интернет-пространстве на порядок меньше, чем положительных. В конечном итоге, коллективная память 30-летних, содержательно заданная интернет-дискурсом воспоминаний, мифологизирует советское прошлое» [6].

Благодаря появлению виртуальных ресурсов, нацеленных на создание «энциклопедий советской жизни», происходит своеобразная музеефикация прошедшей эпохи, возникает заданная форматом музея тональность умиления и любования советским предметом. Посетитель, попадая в подобную галерею, настроив-

шись на умиление и любование, в той же тональности вспоминает и свое собственное прошлое (в случае 30-летних – свое детство). Иными словами, визуальный ряд таких ресурсов организует процесс воспоминания, задает «социальные рамки» коллективной памяти. Пример тому – стиль сообщества «Советская жизнь», где каждая новая фотография советского предмета обязательно сопровождается комментарием-воспоминанием ее автора и других посетителей.

«Постсоветское сообщество – это сообщество ностальгирующих и вспоминающих, и именно в меморативных практиках и практиках ностальгирования выстраивается система коллективной идентификации сегодня. “Советское” актуализируется, становясь средством *проживания* транзита и трансформации, а изменение социальных качеств системы коммуникации делает возможным репродукцию “советского” на абсолютно новых носителях, не существовавших в советскую эпоху» [6].

Таким образом, ностальгия может быть следствием стремления общества к прошлым символам, стремления их реконструировать, воссоздать образ прошлого в настоящем. Тогда в социальной реальности доминирует сюжет преемственности с прошлым, его символами и ценностями, компенсирующий тоску человека по утраченному прошлому. В случае постсоветской действительности это еще и способ консолидации общества: на фоне дефицита символических смыслов прошлое является единственным «общим местом», объединяющим постсоветских граждан в «Мы». Одновременно ностальгия – это способ рефлексии над прошлым. В таком случае включаются механизмы критического мышления. Однако эти процессы осложняются властными стратегиями работы с советским прошлым: на властном уровне ностальгический дискурс о советском работает на консолидацию общества, при этом используются механизмы, знакомые с советского времени: через конструирование образа «врага» и смыслового наполнения конструкта «Родина», ее величия. Безусловно, для социальной действительности «полезнее» рефлексировать над утраченным прошлым, нежели стремиться его воссоздать.

Литература

1. Энциклопедия нашего детства [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.76-82.ru>
2. Абрамов Р. «Советский чердак» российской блогосферы: анализ ностальгических виртуальных сообществ [Электронный ресурс] // Inter. – 2011. – № 6. – URL: http://soc.hse.ru/data/2011/06/28/1216315527/Abramov_inter_nostalgia_article.pdf
3. Бойм С. Будущее ностальгии [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2013. – № 3. – URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3725>
4. Веселые человечки: культурные герои советского детства. – М., 2008.
5. Келли К. Роскошь или первая необходимость? Продажа и покупка товаров для детей в России в постсталинскую эпоху // Теория моды. – 2008. – № 8.
6. Смолина Н. С. «Советское» в постсоветском пространстве: анализ ностальгических сообществ // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – 2014. – Вып. 33.
7. Тихомирова А. Микки-Маусы на майках: детская одежда в СССР в 1980-е годы // Теория моды. – 2008. – № 8.
8. Control + Shift: публичное и личное в русском интернете. – М., 2009.